

Чехословацкая молодежь, которая всегда была и есть поборницей новых идей и стремлений, которая всегда шла в ногу со временем и проявляла огромный интерес к прогрессу, обращается этим письмом к Вам, как к представителям молодой интеллигенции государства, с которым нас связывает столько общих политических, экономических, социальных и культурных интересов. Мы хотим тем самым заполнить брешь во взаимных связях между ЧСР и СССР, создать крепкую основу для будущего сотрудничества советских и чехословацких студентов и тем самым распространить атмосферу дружбы и симпатий и на эту область.

В приложении* мы посылаем наш проект того, как мы в общих чертах представляем себе возможность этого сотрудничества. Мы просим Вас высказаться по поводу этого проекта, выразить свое отношение к нему и одновременно также сделать свои предложения.

Мы надеемся, что в ближайшее время Вы обсудите наши предложения, шлем Вам дружеский привет и искренние пожелания дальнейшего расцвета дружественному Советскому Союзу.

За Союз словацких студентов
Йозеф Шолтес
председатель ССС

Владо Гоудек
председатель
иностранной комиссии ССС

ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 6, д. 670,
л. 27.
Подлинник. Перевод со словацкого.

¹ См. прим. 12 к док. 114.

135

*Письмо полномочного представителя СССР в Чехословакии
С. С. Александровского народному комиссару иностранных
дел СССР М. М. Литвинову*

Прага

14 февраля 1936 г.

Многоуважаемый Максим Максимович,

12-го сего месяца я был на чае у Кучеры. Это тот чиновник Министерства иностранных дел***, который сопровождал Бенеша в его поездке по СССР¹ и теперь перешел из мининдела в канцелярию президента для работы лично у Бенеша. Кучера спросил меня между прочим, получил ли я информацию о Ваших впечатлениях от поездки в Лондон и Париж². Я ответил, что в основном я информирован. На другой день этот же Кучера сообщил мне, что Бенеш может принять меня 14-го сего месяца. При этом по форме выходило так, что Бенеш как будто отвечает на мою инициативу. Я, понятно, пошел к Бенешу. Приняв эту престижную форму, я должен был первым отвечать на вопрос Бенеша о том, что слышно из Москвы и каковы Ваши впечатления от поездки по Европе. В достаточно сжатой форме я сказал Бенешу следующее:

Впечатления наркома Литвинова сводятся к тому, что за последнее время идея коллективной безопасности несколько укрепилась. Как во

* Не публикуется. См.: ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 6, д. 670, л. 30.

** В тексте: «мининдел».

Франции, так и в Англии все больше побеждает убеждение, что единственным путем для смягчения опасности войны является именно эта система коллективной безопасности. Сейчас можно с большими основаниями, чем раньше, думать, что другие пути, в частности путь сепаратных переговоров и соглашений с Германией, будут отвергнуты как Францией, так и Англией. Германские вооружения и опасность ремилитаризации Рейнской зоны не без основания беспокоят Францию и Англию. Фланден обещал скорую ратификацию советско-французского договора о взаимной помощи³, потому что эта ратификация является существенным звеном в деле организации коллективной безопасности. Я думаю, что на этот раз задержки с ратификацией носят только технический характер и на очень короткий срок. Бенеш со всей возможной определенностью подтвердил, что он абсолютно уверен в ратификации в ближайшие же дни.

Дальше я сказал, что по вопросу о гарантиях неприкосновенности Австрии с Вами никто не говорил, но Фланден задавал такой вопрос Потемкину, который не мог ответить иначе, как указанием на то, что у него нет никаких инструкций. Однако Потемкин при этом указал Фландену, что ближайшей задачей в области гарантии европейской безопасности является ратификация нашего договора с Францией, и в свою очередь спрашивал, что намерены делать в направлении австрийских гарантий Франция и Англия. Бенеш весьма оживленно отметил, что это, по его мнению, прекрасный ответ.

Я попытался на этом закончить, но Бенеш прямо сказал, что хочет задать еще два вопроса, прежде чем перейдет к информации со своей стороны. Первый вопрос: что говорилось о Дальнем Востоке и каково там фактическое положение?⁴ Я ответил, что эта проблема затрагивалась лишь вскользь и ничего особенного я не могу сказать Бенешу. Что касается фактического положения, то, по моему личному мнению, японская стрельба на нашей и монгольской границе имеет целью напугать кое-кого в Европе, в частности Францию, отчасти для того, чтобы воспрепятствовать ратификации нашего договора с ней. Делается это не столько в интересах самой Японии, сколько в интересах ее возможных европейских союзников. Однако дальше такой услуги этим возможным союзникам Япония в близком будущем не пойдет. Я думаю, что в данный момент опасность войны на Дальнем Востоке искусственно раздувается и эксплуатируется далеко сверх меры ее реального значения.

Другой вопрос Бенеша был: что слышно о каком-нибудь новом компромиссе в итало-абиссинском конфликте?⁵ На это я сказал, что Италия, конечно, хотела бы всучить кому-нибудь инициативу нового компромиссного предложения, но такого охотника покуда как будто нет. Во всяком случае, я в этом направлении не имею определенной информации.

После этого Бенеш заговорил в своей обычной манере и говорил больше получаса. Я думаю не ошибусь, если скажу, что задачей, которую Бенеш преследовал в своем разговоре, было как бы извиниться перед нами за поведение Годжи⁶ и сказать, что мы не должны брать Годжу всерьез.

Характерно, что первое, на чем остановился Бенеш, было оценкой возможной меры участия Англии в европейских делах. Бенеш полностью присоединяется к утверждению, что идея коллективной безопасности укрепилась, в частности в Англии. Но он тоже склонен к

умеренному дозированию оптимистических настроений по этому поводу. Я уверен, что это относилось к неумеренному оптимизму англофила Годжи, а не к нам, которых Бенеш не раз упрекал в излишней подозрительности. Бенеш, дескать, никогда не утверждал, что Англия прямо пойдет на серьезные обязательства в Европе, особенно же в Средней Европе. Единственно, что Бенеш утверждал и утверждает это и сейчас,— это то, что Англия втягивается и втянется в европейские дела через Францию и сотрудничество с ней. Сейчас этот момент, несомненно, получил некоторое новое подчеркивание. Высокую оценку при этом Бенеш дает как раз тому обстоятельству, что англо-французское сближение на этот раз проходит с учетом и даже известным участием СССР. Ваша поездка в Лондон и Париж, по словам Бенеша, полностью опрокинула существовавшие в Европе надежды на то, что европейские дела будут оформляться без участия СССР, а может быть, и против СССР. Сейчас не только друзья, но и враги едва ли уже сомневаются в том, что им не придется решать ни одного вопроса без прямого и активного участия СССР. В Англии много оттенков общественного мнения, но в данный момент преобладает тенденция Идена, не изменившего своего благожелательного отношения к вопросу о кооперации с СССР.

По вопросу о Средней Европе Бенеш буквально сказал, что планы, развиваемые Годжей⁷, излишне широки, и он скажет это Годже прямо, когда тот вернется. Вопрос о Средней Европе, по Бенешу, не имеет самостоятельного значения. Этот вопрос — производный от вопроса о европейском соотношении сил в целом. А с этой точки зрения решающим является характер взаимоотношений между Францией, Англией и СССР и вопрос поведения Германии. Понятно, что вопрос о Средней Европе не просто приложится к решению общеевропейского соотношения сил. Однако «просто легкомыслие воображать, что на данном этапе вопрос о Средней Европе можно отделить от вопроса об остальной Европе и решить самостоятельно». Это буквальные слова Бенеша, несомненно относившиеся к планам Годжи, потому что Бенеш после этого, не называя Годжи, говорил о беспокойстве, вызванном в Европе «широтой новых среднеевропейских планов». В этой связи небезынтересно отметить, как Бенеш отнесся к вопросу о нашем «выходе» в Среднюю Европу и на Балканы. Он вернулся к похвале ответа Потемкина на вопрос Фландена⁸ о нашем отношении к вопросу гарантий для Австрии. Не нужно торопиться ангажироваться в этом вопросе, но не нужно и закрывать двери наглухо. Бенеш якобы всегда имел в виду, что мы должны выйти не только на среднеевропейскую, но и на балканскую арену. Он подготовлял это, но не кричал об этом громко, ибо вопрос полностью еще не созрел.

Если рассматривать Среднюю Европу как некую территорию, то соседями Средней Европы являются Италия, Германия и Советская Россия. Соседи всегда ревнивы. В нынешней ситуации ревность особенно обоснована. Нельзя воображать себе, что эта ревность разрешит самой так называемой Средней Европе улаживать свои дела без вмешательства, продиктованного этой ревностью. Поэтому в Среднюю Европу Советский Союз должен идти полностью лишь тогда, когда его интересы в этой части Европы сформулируются таким ярким и очевидным образом, что их не нужно будет особо объяснять и втолковывать. Подготовительная стадия, конечно, нужна, и с этой точки зрения Чехословакия и ее договор с нами⁹ уже вводят СССР в Среднюю Европу. Бенеш

как бы не советовал нам активизировать нашу политику в Средней Европе, в частности в связи с вопросом об Австрии. Но одновременно он специально подчеркивал, что мы не должны отклонять разговоров на эту тему, а только не торопиться и терпеливо ждать более ясных форм, в которые может вылиться практически вопрос об организации Средней Европы. И в этой связи Бенеш достаточно ясно говорил, что планы Годжи несерьезны и Годжа просто излишне болтлив.

Вот все самое существенное из разговора с Бенешем. Не имея указаний, мне было трудно определить, насколько далеко я могу идти в деле информирования Бенеша. Я не решился говорить ему из содержания Вашего последнего письма¹⁰, например, о Югославии и ее отношении к вопросу об австрийских гарантиях. Поэтому Югославия из разговора у нас выпала. Кратко говорил я и об Италии, когда Бенеш крутился вокруг вопроса о беспокойстве в Европе в связи с «широкими» среднеевропейскими планами. Надеюсь, что я все-таки не перегнул особенно ни в одну сторону.

Полпред СССР в Чехословакии

С. Александровский

Публикуется по сб.: «Документы внешней политики СССР», т. XIX. М., 1974, с. 90—93.

¹ См. док. 74, 75, 76.

² См.: «Документы внешней политики СССР», т. XIX, с. 57—59.

³ См. прим. 1 к док. 59.

⁴ См. прим. 6 к док. 3.

⁵ См. прим. 9 к док. 124.

⁶ См.: «Документы внешней политики СССР», т. XIX, с. 16—20.

⁷ 8—15 февраля 1936 г. М. Годжа вел переговоры в Париже относительно своего плана создания Центральноевропейского экономического объединения (см. прим. 7 к док. 126), который не получил поддержки у французской дипломатии.

⁸ См.: «Документы внешней политики СССР», т. XIX, с. 59—62.

⁹ См. док. 65.

¹⁰ В упомянутом письме к С. С. Александровскому от 11 февраля 1936 г. о гарантиях Австрии говорилось следующее: «Инициатором привлечения СССР к соглашению о независимости Австрии является Титулеску. Нам известно, что Фланден спрашивал югославского посланника Пурича, готова ли Югославия вместе с Чехословакией и Румынией принять на себя твердое обязательство о помощи Австрии в случае посягательства на ее независимость. Пурич ответил, что если такое же обязательство примут на себя Франция, Англия и СССР, то и Югославия не откажется» («Документы внешней политики СССР», т. XIX, с. 726).

136

Статья начальника Генерального штаба Чехословацкой армии Л. Крейчи в журнале «Прага — Москва», посвященная Дню Красной Армии¹

Прага

15 февраля 1936 г.

Возникновение Советского Союза приходится на самые тяжелые дни нынешнего столетия. Рождение нового политического строя сопровождалось громом пушек мировой войны и неопределенностью со всех сторон. Естественно, что в эти дни остро ощущалось отсутствие хорошей, образцовой армии, исполнителя государственной воли и представителя государственного авторитета. Это был первый опыт тех, кто стоял у колыбели Советского Союза, горький опыт, но весьма полезный для дальнейшей жизни. Поэтому нет ничего удивительного в том, что тре-